

ИЛЮХА Ольга Павловна / ILYUKHA Olga

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

iljuha@krc.karelia.ru

**«РУНА О ЗАДЕРЖАНИИ ШПИОНА»: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА
В СОВЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ПРОПАГАНДИСТСКОМ ДИСКУРСЕ
1930-Х ГОДОВ***

*A RUNO SONG ABOUT DETENTION OF A SPY: THE STATE BORDER
IN THE 1930s SOVIET FOLKLORE AND PROPAGANDA DISCOURSE*

Abstract: The Soviet folklore, as a project implemented in the 1930s–1950s by the authorities implying the active involvement of folklorists to induce the corresponding response from narrators, is classified by researchers (often ironically) as a type of the pro-Soviet pseudofolklore, falsified folklore, fakelore *etc.* A promising approach for studying this phenomenon is the analysis of the relationship between the ‘power’ and the ‘folk’ discourses, between the Soviet propagandist context and a folklore text. This article studies how journalistic texts about the Soviet state border were perceived by the carriers of the folklore tradition, how the ‘folklore’ images of the Soviet border were constructed, and how the folk art influenced the style of the Soviet propaganda discourse. It is demonstrated that the border topic reached its full accomplishment in the Soviet folklore’s songs, laments, tales (*skazy*), fairytales, byliny, ‘noviny’, and ditties. In the works of that kind the border of the country was presented as a part of the Soviet universe, an epic image of the Soviet cosmos. All around the country folk narrators, responding to the ideological demand, integrated the new reality of the Soviet border into the traditional world view. The results were the figures of the ‘bogatyri’ patrolling the border and confronting external enemies who were metaphorically described as “hissing serpents and creeping reptiles” or as werewolves spies. On the one hand, these folklorised texts about the Soviet border fit well into the overall Soviet power discourse of the Homeland’s frontiers, but on the other hand, they deviate from it in some ways. For example, the famous locution “the border under lock and key” does not occur in them (unlike the idea of the closedness of the border as such). At the same time, the image of Saint George the Conqueror, cherished by the people, was integrated into the Soviet border folklore and the Soviet border guards were likened to this saint, as well as to Ilya of Murom. Thus, a kind of a dialog between the ‘people’ and the ‘authorities’ took place in the sphere of folk literary art. The creation of the national myth was not fully manageable, no matter how hard the authorities tried to gain total control of the process.

Ключевые слова / Keywords: Советский фольклор, государственная граница, образы границы, дискурс-анализ, история ментальностей, советская пропаганда, 1930-е гг. / Soviet folklore, state border, images of the border, discourse analysis, history of mentalities, Soviet propaganda

---

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр РАН». Регистрационный номер темы АААА-А18-118030190093-9.

*Мимо этой стражи зверь да не прорыскивал,
Птица, чёрный ворон, мимо их да не пролетывал,
Никакой шпион да не проскакивал.*
Из былины «О Сталине», 1940 г.

Советская власть в поисках подтверждения собственной «народности», «корней», взяла на вооружение фольклорную традицию. «Голос народа» должен был звучать в унисон с решениями коммунистической партии, подтверждать легитимность власти, служить инструментом создания нового — но вместе с тем связанного с героическим прошлым — советского семиотического пространства. Соответственно, содержание фольклора должно было измениться по воле партии, а значит, и весь процесс его создания следовало сделать подконтрольным и управляемым.

Проект по созданию советского фольклора осуществлялся во второй половине 1930-х — начале 1950-х гг., а его пик пришелся на 1937–1940-е гг. Работа, поддерживаемая советским государством, осуществлялась при активном участии учёных-фольклористов, писателей, журналистов, партийных пропагандистов. Проводилась систематическая работа по «обучению» сказителей. И столичные, и провинциальные учёные направлялись в деревни, где они не только вели записи фольклора, но и проводили соответствующие «инструктажи». Сказителей в первую очередь обеспечивали газетами, им поставялись книги и пропагандистские материалы, в их домах раньше других устанавливали радиоприемники для знакомства с актуальными темами. С целью стимулирования творчества устраивались съезды и радиофестивали сказителей, их награждали орденами, принимали в члены Союза советских писателей, прославляли на страницах периодической печати. Сказитель воспринимался исследователями 1930-х гг. как начинающий автор в профессиональном литературном творчестве¹.

Работа шла в различных регионах: не остались без внимания государства и учёных-фольклористов певцы и сказители самых разных фольклорных традиций, как на национальных окраинах, так и в центре страны. В Карелии — уникальном фольклорном крае — проект развернулся масштабно, а Российский Север в целом дал подавляющую часть произведений советского фольклора. Заинтересованность

---

¹ Иванова Т. Г. Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы (о жанровой природе песенного советского эпоса) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III Международной конференции «Рябининские чтения-99». Петрозаводск, 2000. С. 84–85.

власти, активность исследователей-фольклористов, готовность сказителей служить советскому государству — всё это в совокупности принесло свои плоды.

Результатом работы стало создание многочисленных авторских произведений, объявленных фольклорными. Актуальное осмысление в духе народного патриотизма получили различные жанры народной словесности: так появились «новинки» — произведения, которые в отличие от былин и в противовес им, воспевали не прошлое, а настоящее, где народные богатыри замещались героями-современниками. Общей направленностью этого вида творчества было прославление счастливой советской страны, её истории, вождей и героев. Поскольку в СССР шло целенаправленное создание мобилизующего общенационального мифа о народе-богатыре, то особенно большим был спрос на героический фольклор, идеализирующий как отдельные личности, так и весь народ. По тому же принципу создавались сказки, колыбельные, частушки, в которых актуальная информация излагалась фольклорным слогом и опиралась на традиционную мифологию.

Для ознакомления советских людей с фольклорными произведениями нового содержания организовывались встречи сказителей с трудящимися и учащимися, нередко со смешанными по возрастному составу аудиториями слушателей, поскольку такие тексты адресовались, как правило, «всему народу». Вместе с тем дети были целевой аудиторией: авторитет старцев-сказителей использовали в целях повышения эффективности патриотической пропаганды среди подрастающих поколений. Сказителей приглашали выступать в школах, дворцах пионеров, в детских домах. Советскому фольклору щедро отводилось место на страницах СМИ и специальных сборников. Родившийся в результате такого эксперимента советский фольклор в современной литературе получил характерные, часто ироничные определения: «фольклорные новообразования», «околофольклорное явление», «псевдофольклор», «фальсифицированный (или искусственный) фольклор», «фальшлор», «фейклор» и др.

История создания советского фольклора, его суть и результаты хорошо изучены². Исследованы его происхождение, авторство (установлены имена

---

² В частности: *Miller F. J. Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era.* Armonk (New York); London, 1990; *Маркова Е. И.* Творчество сказителей (основные мифологемы 1930-х годов) // *История литературы Карелии.* Петрозаводск, 2000. Т. 3. С. 94–98; *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009; *Козлова И. В.* Покорение полярного Севера в творчестве советских сказителей // *Актуальные проблемы современной фольклористики и изучения классического наследия русской литературы: Сб. науч. статей памяти профессора Е. А. Костюхина.* СПб., 2009. С. 143–161; *Марковская Е. В.* Сказители Карелии и новые произведения эпического склада 1930–1950-х годов // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы международной научной

сказителей и собирателей, становившихся соавторами), а также наиболее популярные темы: образы героев Гражданской войны и советских вождей, коллективизация, покорение Арктики, советская конституция, военные конфликты конца 1930-х гг., раскрепощенная советская женщина, и др. Современные исследователи выдвигают на первый план, среди прочих, вопрос о месте советского эпического фольклора в сталинской культуре в целом³. Этот искусственный, с точки зрения фольклористов, продукт имеет значение для изучения, скорее, механизмов пропаганды и отклика на неё «народа», вклада носителей фольклорной традиции в создание общего пропагандистского дискурса.

Тема границы, её отражение в советском «фольклоре», пока не представлена в исследовательской литературе системно. Вместе с тем граница не могла не войти в общенациональный миф. Как часть советского мироздания она присутствует в произведениях советского фольклора различных жанров: новинах, сказах, сказках, плачах, лирических и колыбельных песнях, частушках. Разнообразие её фольклорных репрезентаций во многом определено мифогенностью пространства границы.

Фольклорные мотивы и образы в советских публицистических произведениях о границе

Отправной точкой для обращения автора этой статьи к советскому фольклору стали газетные и другие публицистические тексты 1930-х гг. Географические координаты границ в советских газетных колонках новостей, включая детскую периодическую печать, обычно размыты: «на западных границах», «на южных рубежах», «на восточном пограничье», «на N-ской заставе»⁴. Географическая условность описываемых событий на границе сродни эпической модели репрезентации пространства: «в некотором царстве, в некотором государстве». Скупы в отношении «координат местности» публицистические пропагандистские

конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калеваль». Петрозаводск, 2010. С. 221–226; *Миронова В. П.* Фольклорные новообразования в репертуаре карельских сказителей 1930–1940 годов // Музыкальная традиция Северной Карелии. Петрозаводск, 2013. С. 50–57; *Архипова А. С., Неклюдов С. Ю.* Фольклор и власть в «закрытом обществе» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–103; *Сенькина Т. И.* Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии / Ред. Е. И. Маркова. Петрозаводск, 2012; *Русский политический фольклор: Исследования и публикации* / Ред.-сост. А. Панченко. М., 2013; *Филлимончик С. Н.* Собрание и изучение фольклора в Карелии в 1930-е годы // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права: Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П. М. Машерова. 2018. С. 77–79.

³ См. об этом: *Панченко А. А.* Культ Ленина и «советский фольклор» // Одиссей. Человек в истории. М., 2005. С. 334–366.

⁴ Исключением являются крупные военные конфликты. Превращение границы в линию фронта сопровождалось указанием более точных географических привязок. Например: река Халхин-Гол, озеро Хасан и т. д.

тексты о подвигах пограничников. В них географическая привязка осуществляется за счёт историко-культурных маркеров, часто имеющих негативные коннотации: столкновения на границах с самураями, шляхтичами, лахтарями. Тексты о границах советского отечества освящались ореолом государственной тайны, что и служило оправданием географической нечеткости описываемых событий и служило их мифологизации.

При описании государственной границы в публицистике нередко присутствуют фольклорные мотивы. Они улавливаются на сюжетно-композиционном уровне, при трактовке образов, в системе метафор. Базовый сюжет многих литературно-публицистических текстов 1930-х гг. о коллизиях на границах стандартен: погоня, схватка и задержание врага. Вспомним, что при описании подвигов богатырей в русских былинах наблюдается схожая последовательность мотивов, включающих седлание коня, богатырскую поездку, поединок, победу героя. Образ пограничника строится по фольклорной модели героя: «Он храбро сражался против семи». Конь героя «самый быстрый на заставе» или «гнедой, тонконогий», «распустив по ветру гриву, конь мчался, едва касаясь копытами земли». Пограничник, как и былинный богатырь, обычно узнаёт о появлении врага в поле (в лесу) по следу, разглядывает далекого неприятеля в бинокль (богатырь — «в трубку серебряную»), тот и другой принимают бой «ночью темною».

В качестве примера приведём текст, написанный героем боев на озере Хасан И. Мошляком. Он писал о российско-японской границе 1930-х гг., что там, где стоят советские пограничники, «ни человек, ни зверь не пройдет незамеченным. Разве птица перелетит»⁵. Сравним эти слова с текстом о богатыре Илье Муромце в дореволюционном издании для школьных библиотек: «Три года стоят уже богатыри на своей молодецкой заставе, не пропускают ни конного, ни пешего, ни своего, ни чужого; мимо них ни зверь не проскользнет, не птица не пролетит...»⁶.

Наиболее выразительно связь образов былинных богатырей с советскими современниками выражалась «шершавым языком плаката»⁷. Так, на плакате В. И. Говоркова «Славна богатырями земля наша!»⁸, посредством визуальной метафоры показана суть советского воина, отбрасывающего тень богатыря, а танк здесь — крепость на гусеницах. Фольклорные коннотации имеют и другие тиражировавшиеся советской пропагандой визуальные репрезентации защитников

⁵ Мошляк И. У озера Хасан. М.; Л. 1939. С. 14.

⁶ Русские богатыри. СПб., 1912. С. 96.

⁷ Фраза из поэмы Владимира Маяковского «Во весь голос» (1930).

⁸ Говорков В. И. «Славна богатырями земля наша!»: Плакат. М.; Л., 1941.

рубежей. Например, кинофильм «Джюльбарс» (1935) открывается сценой, изображающей трёх конных пограничников, прямой аналогией созданному по фольклорным мотивам полотну Виктора Васнецова «Богатыри» (1871–1898).

Выражения «рать великая», «богатырские заставы», «богатырская сила», «сталинские соколы», «лютый враг», «орда великая» стали широко употребимы в пропагандистских текстах 1930-х и 1940-х гг. Просторы СССР нередко определялись как «богатырская ширь», а живущие здесь люди — как «народ-богатырь». Таким образом, публицистика охотно следовала за фольклорными прототипами, заимствовала мифологемы⁹, традиционные художественные изобразительные средства, необходимые и для героизации, и для канонизации отдельных личностей. Регламентация и санкционирование определённой нормы, модели поведения в фольклоре объясняют широкое использование мифологем в идеологическом дискурсе¹⁰. В то же время, как уже замечено фольклористами, сказители «могли брать из газетных статей и сюжеты, и готовые фразы для описания подвигов»¹¹. То есть публицистика обогащала сказителей темами, сюжетами, давала образы героев и идеологемы¹².

Взаимопроникновение публицистических и фольклорных текстов рождает массу вопросов. В данной статье мы попытаемся найти ответы лишь на некоторые из них. Во-первых, как, в каких контекстах рисуется государственная граница в советском фольклоре и какими смыслами она наделяется? Во-вторых, важно понять, каким образом сказители, направляемые властью, встраивали в традиционную картину мира советскую границу как новую реальность и как этот конструкт вписывался в общий советский дискурс о границах. И наконец, в каком направлении разворачивался диалог «народа» и «власти» в деле производства советского фольклора и был ли он в принципе возможен?

В данном случае мы используем прежде всего прошедшие через редактирование и цензурирование опубликованные материалы, напечатанные в самых разных изданиях: от академических до детских сборников, от общественно-политических и художественных альманахов до пионерских журналов

---

⁹ Мифологема — прототипическая формула, заключающая в себе универсальную идею-образ, которая затем может получить национальное наполнение. Важно, что мифологема является универсалией человеческого сознания, облаченной в яркий вербальный образ, что способствует во многом иррациональному ее усвоению социумом.

¹⁰ См. об этом подробнее: *Клушина Н. И.* Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 55–59.

¹¹ *Козлова И.* Локальные военные конфликты конца 1930-х годов в СМИ и творчестве сказителей // Городские тексты и практики. М., 2017. Т. 2. Ньюслор: фольклорная интерпретация актуальных событий. С. 113.

¹² Идеологема — стилистически оформленное идеологически нагруженное выражение (лозунг, сентенция, афоризм, метафора), мифологема, используемая в идеологических целях.

и региональных газет. Широкий спектр адресатов изданий говорит о восприятии народного слова властью и уверенности в его мобилизующей силе.

Сотворение советского космоса и рождение границ

Создание мира социализма из хаоса и мрака Гражданской войны, возведение страны — укреплённой крепости со стражами на границах в советском фольклоре связывается с демнургом Сталиным. В новине (обозначенной при публикации как былина) народной поэтессы из Поморья Марфы Семёновны Крюковой «Слава Сталину будет вечная» это время описывается как время творенья, когда

«Он рубил и бил силу белую,
Он рубил и бил не день, не два¹³.
Те остались жить, кто успел сбежать.
Он очистил дорожки прямоезжие,
Он очистил города и деревеньки,
Еще те ли границы русские.
Он поставил на них стражу верную,
Еще славных ребят-пограничников.

Тут свалились с земли цепи крепкие,
Светом вся земля осветилась»¹⁴.

Описание начальной советской истории завершается аллюзией к библейскому: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3). Как видим, истоки советской истории представлены как космогонический акт, что вполне соответствовало официальной трактовке 1917 г. в качестве рубежа между «тёмным прошлым» и «светлым настоящим».

Освоение Арктики (в текстах 1930-х гг., и не только пропагандистских, используется слово *завоевание*¹⁵) — приращение территории СССР сопровождалось маркировкой новых границ, установкой советского флага и других символов власти. Полярные станции уравнивались в фольклоре с «богатырскими заставами». Как пишет И. В. Козлова, новый «эпос» рождался стремительно. В 1937 г., через три года после возвращения героической экспедиции челюскинцев, был записан ряд

¹³ Согласно Библии, тверди земные создавались три дня, а на четвёртый Бог создал светила.

¹⁴ Крюкова М. С. Слава Сталину будет вечная: Русская былина. Записана в 1937 г., Архангельская обл. // Зажглась золотая заря: Сказки и легенды. М., 1939. С. 83.

¹⁵ См., например: Чистов В. Народное творчество Советской Карелии // Народное творчество Карело-Финской ССР: Записи 1937–1938 гг. / Подг. текстов, вступ. ст. и прим. В. Чистова; под ред. А. Н. Лозановой. Петрозаводск, 1940. С. XV.

былин (новин) на эту тему. В том же году, вскоре после начала экспедиции Папанина, появились «сказы» и «былины» (новины), прославляющие папанинцев. Одна из новин, «Сказание про полюс», была записана от Марфы Крюковой¹⁶ как «моментальный отклик» на событие. В ней воспевались покорители и новые властелины Арктики, которым служат её прежние хозяева — белые медведи:

«Советские герои, пречудные рыцари,
Они стоят на заставе на самой морозной,
Они живут-проживают у того столба стоячего,
У славного герба советского.
<...>
Медведи белые им поклоняются...»¹⁷.

Границы не только расширялись, но и укреплялись в соответствии с «волей народа». Такое обращение к вождю звучит в плаче, записанном от народной сказительницы Феклы Ивановны Быковой в Карелии:

«Постройте-ка стены везде да каменные,
Наш любимый Иосиф Виссарионович,
И поставьте кругом стражу великую...
У нас ведь есть сердечны детушки,
Мы дадим тебе защитников и заборонщиков»¹⁸.

Здесь поэтически выражена готовность матерей принести в жертву «сердечных детушек» — «защитников и заборонщиков». Та же готовность к потерям на границах с беспышным отчаянием звучит в частушке, очевидно — заказному отклику на пропагандируемое на рубеже 1930–1940-х гг. движение «Брат на смену брату»:

«Нам с Востока весть прислали,
Что геройски сын убит.
Не горюй, страна родная,
Завтра младший подменит»¹⁹.

---

¹⁶ Имя Марфы Крюковой было известно в 1930-х гг. наравне с народными певцами Джамбулом и Сулейманом Стальским. См.: *Крюкова М. С. Заря-солнышко: Сказание / Обработка В. Попова. М.; Л., 1939. С. 3.*

¹⁷ Опубликовано впервые: *Комсомольская правда. 1937. 24 июня.* Цит. по: *Козлова И. В. Покорение полярного Севера в творчестве советских сказителей. С. 150.*

¹⁸ *Быкова Ф. «Постройте-ка стены везде да каменные» // Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940. С. 258–259.* Ранее опубликовано: *Сказы и плачи о Ленине. Петрозаводск, 1938. С. 39–41.*

¹⁹ Новые фольклорные материалы: (Из архива Фольклорной комиссии) // *Советский фольклор: Сборник статей и материалов. Л., 1941. № 7. С. 272.*

Если Быкова просит Сталина укреплять границы, то карельский крестьянин Тимофей Туруев в новине «Красная Армия и былинщики» обращается к пограничникам с просьбой «стеречь врага лютого»:

«Ой, заставушки, вы богатырские,
Да вы удалы-храбры молодцы,
Герои славные советские!
Вы постоите-ка на крепких заставушках,
Охраняйте границы советские
Как водные и сухопутные,
Сухопутные и воздушные.
Стерегите врага лютого,
Чтоб не прошел он границу советскую,
Не напакостил бы нам в ночь темную,
Не испортил бы нам дело славное,
Жизнь прекрасную и счастливую»²⁰.

Граница — сакральное политико-мифологическое пространство, ощущение которого выражается в смысловом контрасте света и тьмы, добра и зла, мира людей и мира «чёрных воронов», «гадов ползучих» и «змей шипучих».

Пограничье — локус оборотничества

В советском фольклоре нашел отражение внедрявшийся большевиками принцип опоры пограничных частей Красной армии на местное население, предусматривавший привлечение колхозников и пионеров к охране государственных рубежей. В произведениях советских сказителей антагонистом живущего у границы бдительного колхозника является, как правило, перешедший через границу шпион-оборотень, скрывающийся под личиной благонамеренности. В народных представлениях граница своего и чужого мира — место обитания хтонических существ, осуществляющих связь между мирами. В зыбком переходном пространстве локализуется оборотничество, чужак прячется под маской «своего». В литературе имеются указания на то, что сказители использовали в своём творчестве личный опыт встречи с «чужаками». «Сказочник-карел, колхозник Исаков, премированный за задержание нарушителя границы, сложил на карельском

---

²⁰ Записанная от Туруева на карельском языке новина «Красная Армия и былинщики» была опубликована в журнале «Карелия» в 1939 г. В 1940 г. была сделана звуковая запись этого же текста на русском языке (хранится в Фонограммархиве ИЯЛИ, а расшифровка — в архиве Карельского научного центра РАН: Разряд III. Оп. 1. Д. 3125/2).

языке сказку на эту тему»²¹, — писал фольклорист В. Чистов. Он же, желая подчеркнуть реалистичность и актуальность описываемых сказителем событий, отмечал, что карельский крестьянин сказитель Тимофей Туруев опирался на рассказы односельчан о встречах с нарушителями границы: «Старушка-карелка из Сегозерского района, — сообщает сказитель Т. Е. Туруев, — больная и слабая, которая и ходила-то, казалось, еле передвигая ноги, пробежала за полтора часа 10 километров, чтобы предупредить пограничников о замеченных ею нарушителях границы»²².

В 1937 г. в разгар шпиономании в газете «Красная Карелия» была опубликована на карельском языке и в переводе на русский «Руна о задержании шпиона». Запись была сделана Виктором Гудковым в д. Вохтозеро Петровского района Карелии от Анастасии Федоровны Никифоровой.

<p>Оли колме меччүниэккуа. Качотах хүө — мужикк' астуу. Меччуниэкат күзүтәхе: «Кэнен синя, мужикк, олет?» Мужикку' хейле вастуадоухе: «Минун он диэдöй тәнне куоллух, Түө олетто минун роднят. Калмужимах муах он панду, Раудуристу он примиезтәннү». Меччуниэкат санотахе: «Мужикку се муанитгелоу. Пиäl' ой раяс туллух он и Шпионанну кавелöү го». Меччуниэкат рөнгәхтутәхес, Отетах мужику кийни: «Эт оле синя мейян родню, Синя олет хукан родню. Куй хуку муал пиллуа пидäү, Муга и синя тахтозид и Тәм' он синун диэдян ристу». Отетах хүө мужиккуа го «Куне нидäү сине виэммө». Вийяхе хүө мужиккуа го Советскойн застуаван эдех.</p>	<p>Трем охотникам однажды Человек попал навстречу, И охотники спросили: «Чей такой, скажи, ты будешь?» Человек им отвечает: «Дед мой близко похоронен, Вы мне родственники тоже. Где-то здесь могила деда — Там поставлен крест железный». Тут охотники смекают: «Обмануть прохожий хочет, Он пришел через границу И, наверное, шпионит». Тут они переглянулись И прохожего забрали: «Не родня ты вовсе наша, Ты родня, быть может, волку. Как вредят хозяйству волки, Так и ты хотел бы сделать. Ну-ка, где же дедов крестик?» Крепко взяли незнакомца: «Куда следует — доставим». Повели его, да прямо На советскую заставу²³.</p>
--	--

²¹ Чистов В. Народное творчество Советской Карелии. С. XXI.

²² Там же. С. IX–X.

²³ Руна о задержании шпиона // Красная Карелия. 1937. 23 октября. С. 3. В сборнике «Народное творчество Карело-Финской ССР. Записи 1937–1938 гг.» (1940) дословно воспроизведен тот же

Комментируя книжную публикацию этого сочинения, озаглавленную уже как «Песня о поимке шпиона» (1940), В. Чистов отмечал: «Песня эта сложена А. Ф. Никифоровой размером старых карело-финских эпических песен». Привычный карелам ритм и размер стиха калевальской метрики должен был служить проводником идеологических установок в сердца и души людей.

В этих текстах — и в «руне», и в «песне» — уделено внимание фигуре шпиона. Мотив перехода государственной границы — поклониться могилам предков — не может ввести в заблуждение бдительных карельских охотников. Чужак ищет могилу деда с железным крестом — именно это истораживает местных жителей, ведь по карельской традиции на кладбищах ставились деревянные кресты, а железные характерны для финских лютеранских кладбищ²⁴. Этот маркер «чужести» становится основанием для задержания подозрительного человека.

В дальнейшем песня в качестве народной под названием «Поимка шпиона» многократно публиковалась в различных сборниках. Виктор Евсеев включил её даже в академическое издание «Карельское народное поэтическое творчество» 1981 г.²⁵

Тот же самый сюжет лёг в основу текста, записанного от знаменитого карельского сказочника Матвея Михайловича Коргуева и опубликованного в 1938 г. в альманахе «Карелия» в переводе В. А. Зоргенфрея под названием «Карельский сказ о задержании шпиона»²⁶. Каким образом произошёл этот «творческий обмен» между сказителями? Возможно, Коргуев прочитал газетную публикацию 1937 г. и дал жизнь сюжету уже в новом жанре. Отметим одну деталь, отличающую содержание «сказа» от «руны» и «песни». У Коргуева маркером чужести выступает не качество кладбищенского креста, а его размещение. Чужак в данном случае проговаривается, что крест на разыскиваемой им могиле деда установлен «в головах». Это и вызывает подозрение, поскольку у православных крест полагается ставить в ногах, в отличие

самый текст под названием «Песня о поимке шпиона» (С. 96). Указано, что песня записана от А. Ф. Никифоровой (С. 207). В академическом издании В. А. Евсеева 1981 г. опубликован вариант под названием «Поимка шпиона», записанный составителем в 1940 г. также в Вохтозере от А. Ф. Никифоровой. Жанр определён как народная песня. От версии, записанной Гудковым, его отличают, в частности, начальные строки: «Три охотника однажды человека повстречали». Также вместо строки «Тут они переглянулись» появилась фраза «Тут они все закричали». Слово «крестик» в строке «Ну-ка, где же дедов крестик?» заменено на «крест-то»: Карельское народное поэтическое творчество / Подг. и пер. текстов В. Я. Евсеева. Л., 1981. С. 345–346.

²⁴ Благодарю за консультацию Алексея Петровича Конкку.

²⁵ См.: Песни народов Карело-Финской ССР / Сост. В. П. Гудков, Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941; Кондратьева С. Карельская народная песня. М., 1977; Карельское народное поэтическое творчество. С. 345–346 (одна из наиболее поздних публикаций произведения, составитель, В. Я. Евсеев, отмечал наличие нескольких версий этой песни, записанных в разных деревнях: С. 401).

²⁶ Коргуев М. Карельский сказ о задержании шпиона // Карелия: Литературно-художественный альманах Карельского союза советских писателей. Петрозаводск, 1938. Кн. 1. С. 173.

от зарубежных соседей. Но эта деталь не меняет сути дела: и в одном, и в другом случае этнические традиции становятся приметой человека, идейно чуждого.

Задержание шпиона вписано в схему охоты на человека-зверя. Колхозные охотники вооружены ружьями, в сказе Коргуева они угрожают шпиону также и капканом: «Знаем, кто ты — волку родня! Так на земле пакостит волк, так же и ты пакостить рад. Видишь в кустах волчий капкан?»²⁷. В тексте частушки пойманного шпиона, как зверя, удачливый добытчик «волочит» на заставу, предъявляя его представителям власти:

«Милый, славный паренек
И, знать, не ворона:
На заставу приволок
Подлого шпиона»²⁸.

Герои границ. Русские богатыри как клише для создания образа советского пограничника

Особое значение в условиях советского «эпического времени» (Анна Астахова), эры титанов с её «беззастенчивыми преступлениями» (Алексей Лосев) приобрели фигуры богатырей — «старопржежных и нынешних». Современные богатыри — стахановцы, челюскинцы, пограничники становились продолжателями героических традиций и персонажами советского пантеона.

Граница — «фронт мирного времени», место испытания для героя. Канонизированный православной церковью образ Ильи Муромца — былинного защитника рубежей земли русской — был очищен от христианских напластований и стал одним из фольклорных клише для создания идеологически актуального героя. Советские сказители, безусловно, продолжали эпическую традицию, в которой заставы богатырские были «земскою оборонительною силою, какою сделался Илья Муромец»²⁹, т. е. функционально отождествляли Илью Муромца и Советского Пограничника.

Марфа Крюкова в одну из созданных ею новин ввела образ легендарного командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армии В. К. Блюхера, которому приписывается авторство метафоры «граница на замке». Здесь хорошо видны традиционные для фольклора приёмы и характерные метафоры, использованные для создания идеологически востребованного и в то же время

---

²⁷ Там же. С. 173.

²⁸ Новые фольклорные материалы. С.272.

²⁹ Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1869. С. 463–464.

народного образа, современного богатыря, напоминающего былинного Илью Муромца:

«...А на том бережку сам Блюхер стоит,
 Сам Блюхер стоит, богатырь геройский.
 Он стоит на заставе на великой в латах богатырских,
 Он стоит да высматривает,
 Чтоб ни птицы пролетные, ни звери морские
 Ни волки рысучие, ни гады ползучие
 Из чужих земель чтоб по морюшкам не прошли...»³⁰.

Вскоре имя Блюхера, объявленного «врагом народа», было вымарано из публикаций, включая новины.

Серьёзные военные конфликты на границах СССР на рубеже 1930–1940-х гг. получили моментальные отклики в народном творчестве. Наибольшее внимание привлёк конфликт с Японией на озере Хасан в 1938 г. В творчестве севернорусских сказителей также отразились изменение границы между СССР и Польшей и Советско-финляндская война³¹. В откликах на эти события, и тем более в новинах о Великой Отечественной войне, в центре внимания — уже не поединок пограничника и шпиона, а столкновение бойцов Красной армии — «красных соколов», олицетворяющих правду, с чужеземным коллективным врагом: «японскими самураями», «польскими панами», «белофинскими лахтарями», отождествляемым с «черным вороном» — носителем кривды.

Тем не менее это не исключает описаний персонифицированного подвига. Например, в «Былине о бойце Зырянове», сочинённой Никифором Васильевичем Кигачевым из д. Тубозеро Пудожского района, прославляется подвиг красноармейца-пограничника Зырянова, «зарубившего тридцать семь самураев» в 1938 г. на дальневосточной границе³², а Марфа Крюкова в поэтическом «Сказе про славного пограничника Василия Утина» славит бойца погранвойск, сражавшегося с фашистами в годы Великой Отечественной войны³³. Сказители, опираясь в этих случаях на информацию, полученную из газет и радио, не только излагали её

³⁰ Крюкова М. С. Сказания // Новый мир. 1937. № 5. С. 25–29. Цит. по: Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. С. 680–681.

³¹ См. подробнее: Козлова И. В. Враги советского народа в творчестве севернорусских сказителей // Рябининские чтения–2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 284–287.

³² Марковская Е. В. Сказители Карелии и новые произведения эпического склада 1930–1950-х годов. С. 223.

³³ Крюкова М. Сказ про славного пограничника Василия Утина // Пограничник. 1947. № 1. С.59–61.

в стилизованной фольклорной форме, но и могли делать произвольные дополнения в отношении фактических сведений о жизни героя. Так, герой Советского Союза пограничник Василий Ильич Утин, согласно сказу Марфы Крюковой, провёл детство в «вольном Новгороде», где слушал «старинушки досельные про могучих русских про богатырей» (то есть был воспитан на традициях русского богатырства), тогда как по официальным данным он вырос в Башкирии. Такое «творческое» оперирование сказителей фактами жизни реальных людей объяснимо, ведь биография была лишь затейливой виньеткой для воспеваемого подвига. Воспринятая из СМИ информация, переработанная сказителями, вновь возвращалась на страницы газет и журналов, чтобы звучать уже от имени «народа».

Произведения, описывающие подвиг пограничников в «смертном бою», который заканчивается гибелью героя, в своем финале окрашены оптимизмом: дети и молодёжь будут хранить память о подвигах «красных богатырей» и воспримут традиции воинского богатырства. Однако «Плач по мужу, убитому на границе» пронизан не столько заказным оптимизмом, сколько надеждой на помощь советской власти и персонально вождя, поскольку «живем теперь-то мы да не по-старому»: «Мы напишем скорописчатые грамотки / Многоумным головушкам, / Мы товарищу Сталину — / Он не бросит нас победных...»³⁴.

Пожалуй, наиболее выразительными с точки зрения раскрытия созданных образов и отражения идеологемы неприступности советской границы, являются сказки. В сказке «Страна счастливых и честных людей», сочинённой Матвеем Коргуевым, Иван пересекает границу, чтобы попасть в государство, «где бедным жить хорошо». Делает он это ночью, скрытно, так как знает, что иначе «поймают и посадят в тюрьму». Тем не менее и в сказочной реальности герою не удаётся пройти через границу незамеченным: «Долго пограничники расспрашивали Ивана о жизни в другом государстве и зачем он пришел сюда»³⁵.

Тема границы является центральной в сказке «Три сына» (записана в 1938 г. в Московской области со слов В. И. Беспаликова из д. Яшкино). Чудесное спасение израненного врагами младшего брата-пограничника осуществляют два его старших брата с помощью живой воды. В этой сказке функции чудесного ковра-самолета выполняет современный аэроплан, роль царя-батюшки — товарищ Сталин, да и каждый из братьев уже в зачине повествования наделён актуальным статусом: «Было у старика три сына. Старший пошел в моряки, второй сын обучился

---

³⁴ Плач по мужу, убитому на границе: Записан от П. З. Ражиковой в 1937 г. М. Михайловым // Народное творчество Карело-Финской ССР: Записи 1937–1938 гг. С. 100–101.

³⁵ Страна счастливых и честных людей: Сказка, записанная от М. М. Коргуева // Советские сказки / Сост. В. Базанов. Б. м., 1943. С. 31.

на аэроплане летать, а третий сын пограничную службу нес»³⁶. В сказке личные имена двух старших братьев не называются. Поначалу и другой их брат номинируется как младший или третий. Однако после прохождения им испытания, совершения подвига на границе, он обретает личное имя — мученый Егор. Под именем Егория Мученика в русской культуре столетиями хранилась память о Святом Георгии Победоносце, изображавшемся в образе всадника, поражающего чёрного змия. Сказитель связал образ советского пограничника с образом святого воителя Георгия Победоносца. Эта проявившаяся в сказке связь ярко говорит о том, что народ хранил и передавал новым советским поколениям память о христианских святых даже в подцензурных произведениях.

В финале сказки старшие братья меняют свои воинские профессии, предпочитая службу на границе как самую важную, повышающую статус. Показательно, что, отправляясь на рубежи родины — спасти ли младшего брата или уже служить, они каждый раз просят на это разрешение у Сталина. Исполнение такого желания — царская награда, а одаривание орденами — наделение волшебным средством, защитной силой:

«Очень радовался Сталин, что спасли Егора, руки всем жал и говорил:

— Чего вам от меня желательно?

Меньшой брат, который выздоровел, ответил:

— Желаем все трое не разлучаться, вместе быть. Желаем все на Дальнем Востоке, на границе служить.

Сталин им ответил:

— Так тому и быть. Героям не откажешь. Я таких героев очень обожаю и люблю. Дал он им ордена, и уехали братья на границу»³⁷.

Отправляясь на границу, все три брата становятся символическими змеборцами. В финале сказки звучит идеологема о непобедимости советского народа, вложенная в уста врагов: «Входит, что нам их никогда не уничтожить».

Символы границы в советском фольклоре

В советском фольклоре Сталин, который «выше всех богатырей на свете», «среди всех батыров батыр», наделяется чертами пограничника-чекиста, становится символическим пограничником. Как и его «ночной дозор», великий вождь не спит

---

³⁶ Три сына: Русская сказка (записана в 1937 г. со слов В. И. Беспаликова из д. Яшкино Озерского района Московской области) // *Зажглась золотая заря*. С. 52.

³⁷ Там же. С. 56–57.

днём и ночью, поскольку «враг не дремлет». Ключевые соматические характеристики пограничников — чуткость (всё слышат) и зоркость (всё видят) — присущи и Сталину. Марфа Крюкова в сказании «Заря-солнышко» нарисовала соответствующий образ вождя: «Чутким ухом-то он слышит все, / Веселым взором он видит все»³⁸.

Этот образ получил развитие в записанной от нее же новине «Слава Сталину будет вечная». Как пограничник осматривает окрестности с дозорной вышки в бинокль, так и Сталин с кремлёвской башни смотрит «в трубочку подзорную»:

«Как со той башни день и ночь
Во платье-то во военном все
В руках с трубочкой с подзорною,
Со улыбочкой со веселою
Глядит-правит страной заботливо
Превеликий вождь, предобрый отец,
Еще славной, мудрой Сталин-свет.
Он глядит-глядит, — не насмотрится,
Чутким ухом все прослушивает,
Зорким взором своим все видит»³⁹.

Здесь ритмический повтор, подобно магическому заклинанию мифа, создаёт образный колорит, поэтическую реальность большой эмоциональной силы, а укреплённая граница и кремлёвская стена выступают двумя концентриками обороны страны-крепости.

Характерно, что яркий фразеологизм «граница на замке», имевший широкое хождение в газетных текстах 1930-х гг., не нашёл прямого использования в советском фольклоре. Однако в нём фигурирует ключ, открывающий замок. Переход, «путь» ключей от старого «хозяина страны» к новому, описан в сказании Марфы Крюковой «Заря-солнышко», опубликованном, в частности, в издательстве детской литературы (Детиздат) ЦК ВЛКСМ в 1939 г.

«Золоты ключи от Россиюшки», у пьяного царя Николая, который спрятался в дни «восстаньица» от «ребятушек-солдатушек» в подвале своего дворца, похитила царица и передала их «помещикам да заводчикам». Затем добытые «красными дружиниушками» ключи были переданы вождю революции, а умирающий Ленин вручил их Сталину со словами: «...Бери, бери, да ты прими ключи, / Золоты ключи от всей земелюшки». Обратим внимание на то, что в духе идеи грядущего торжества

³⁸ Крюкова М. С. Заря-солнышко. С. 41.

³⁹ Её же. Слава Сталину будет вечная. С. 85.

социализма во всем мире, «ключи от Россиюшки» превращаются в отмычку «от всей земелюшки»⁴⁰. В трактовке исторических событий чувствуется дух «Краткого курса», в котором Сталин рисуется ленинским наследником и последователем. Слухи и народные легенды о царской семье в их негативном содержании были востребованы в советском мифотворчестве, очерняющем досоветское прошлое страны.

Здесь улавливается также аллюзия к библейскому сюжету о вручении Иисусом архангелу Петру ключей от рая, с которым соотносится образ Сталина, возделывающего страну-сад, будущий коммунистический рай. Замок — символ неволи — не вошёл в фольклорные тексты, но в них представлены ключи — символ не только власти, но и свободы. Советский дискурс о границе несомненно, связывает воедино символику запертых границ с ключами, хранящимися в Кремле. Связь центра с границами — и в желании пограничников подражать Сталину, и в надёжности таких богатырей (батыров), как Клим Ворошилов, подобных по твёрдости граниту, неприступной скале и Сталину. В 1936 г. Джембул пел:

«Наша Родина — мира оплот,
Наше счастье добыто в боях,
А границы зорко хранит
Тот, кто в Сталине видит пример,
Для врагов неприступный гранит
Клим-батыр, первый кзыл-аскер⁴¹»⁴².

Итак, тема государственной границы получила своё наиболее полное раскрытие в советском фольклоре в 1937–1940 гг., когда он создавался наиболее интенсивно. В этот период не только происходят конфликты на рубежах страны, но и осуществляется расширение советских границ, наблюдается пик шпиономании. Советское мироздание, включая границу, рисовалось на основе эпического канона, в сочетании рационального и иррационального, с использованием характерных для устного народного творчества традиционных средств выразительности, веками отшлифованных, а потому легко узнаваемых и «родных» речевых оборотов и смысловых формул. Идеи, важные для власти, для осуществления социального конструирования, в советском фольклоре срачивались с мифологемами,

⁴⁰ Крюкова М. С. Заря-солнышко.

⁴¹ Пик Кызыл-Аскер (5842 м) в горах Тянь-Шаня отличается наличием отвесного, неприступного склона, похожего на стену.

⁴² Джембул. Песня о Москве // Избранные песни / Сост. Е. Мозольков. М., 1948. С. 21.

укоренёнными в национальном сознании. Шла своеобразная интеграция мифологии «сверху», искусственно конструируемой советскими провластными кругами, и самопроизвольно складывающейся мифологии коллективного сознания. Созданный фольклорными средствами образ государственной границы отражал коллективные мифологические представления, советское идеологическое воображение. При выполнении социального запроса на создание художественной модели советского героя в практике создания текстов шла реанимация архаических моделей и образов, имеющих мобилизующую силу. Также на основе традиционных фольклорных текстов и образов создавалась метафорическая система описания советских героических профессий, в первую очередь воинских, к которым относились и пограничники.

Мобилизационный потенциал этих образов был инструментализирован создателями текстов различных жанров. Задача «вернуть народу его песни» на деле означала вливание нового вина в старые мехи. Пытаясь доказать «народность» своей идеологии, политических ориентиров, власть широко применяла фольклорные схемы и образы, пропущенные через сито рациональности и способные «работать» на советскую идею. Эмоциональная суггестия, магические коннотации, связывающие фольклор и тоталитарную культуру, а также отношение людей к фольклору как «голосу народа», объясняют стремление к его широкому использованию советской пропагандой.

Такого рода тексты не могут не привлекать внимание историков как проявление политической культуры и политической коммуникации своего времени. Тема границы получила логически завершённое выражение в произведениях советского фольклора, а проект его созданию сыграл свою роль в инструментализации образа страны как осаждённой крепости. Фольклоризированные тексты о советской границе, с одной стороны, вписывались в общий советский дискурс власти о границах Родины, с другой стороны, имели свои яркие особенности в трактовках образов и смыслов. В частности, сказителями не был использован растиражированный пропагандой фразеологизм «граница на замке», хотя сама идея закрытости границ была представлена предельно артикулированно. В советский фольклор о границе был вписан, хотя и в редуцированном виде, хранимый народом образ святого Георгия Победоносца, которому, наряду с Илией Муромцем, уподоблялись советские пограничники. Таким образом, даже в условиях цензуры в сфере народной словесности шёл определенный диалог «народа» и «власти». Создание национального мифа не стало полностью подконтрольным, несмотря на стремление власти к тотальному управлению этим процессом.

Список литературы

Архипова, А. С. Фольклор и власть в «закрытом обществе» / А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов // Новое литературное обозрение. — 2010. — № 101. — С. 84–103.

Иванова, Т. Г. Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы (о жанровой природе песенного советского эпоса) / Т. Г. Иванова // Мастер и народная художественная традиция русского севера : доклады III Международной конференции «Рябининские чтения–99». — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2000. — С. 84–85.

Иванова, Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. / Т. Г. Иванова. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. — 800 с.

Карельское народное поэтическое творчество / подг. и пер. текстов В. Я. Евсеева. — Ленинград : Наука, 1981. — 410 с.

Клушина, Н. И. Теория идеологем / Н. И. Клушина // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4. — С. 55–59.

Козлова, И. Локальные военные конфликты конца 1930-х годов в СМИ и творчестве сказителей / И. Козлова // Городские тексты и практики. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. — Том 2. Ньюслор: фольклорная интерпретация актуальных событий. — С. 97–117.

Козлова, И. В. Враги советского народа в творчестве севернорусских сказителей / И. В. Козлова // Рябининские чтения—2011 : Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. — С. 284–287.

Кондратьева, С. Н. Карельская народная песня / С. Н. Кондратьева. — Москва : Советский композитор, 1977. — 282 с.

Маркова, Е. И. Творчество сказителей (основные мифологемы 1930-х годов) / Е. И. Маркова // История литературы Карелии: В 3 т. — Петрозаводск : [Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН], 2000. — Т. 3. — С. 94–98.

Марковская, Е. В. Сказители Карелии и новые произведения эпического склада 1930–1950-х годов / Е. В. Марковская // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010. — С. 221–226.

Миллер, О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское / О. Ф. Миллер. — Санкт-Петербург : Тип. Н. Н. Михайлова, 1869. — 895 с.

Миронова, В. П. Фольклорные новообразования в репертуаре карельских сказителей 1930–1940 годов / В. П. Миронова // Музыкальная традиция Северной Карелии. — Петрозаводск : Петрозаводская гос. Консерватория, 2013. — С. 50–57.

Панченко, А. А. Культ Ленина и «советский фольклор» / А. А. Панченко // Одиссей. Человек в истории. — Москва : Наука, 2005. — С. 334–366.

Русский политический фольклор: исследования и публикации / ред.-сост. А. Панченко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — 399 с.

Сенькина, Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии : очерки и материалы / Т. И. Сенькина. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2012. — 216 с.

Филимончик, С. Н. Собрание и изучение фольклора в Карелии в 1930-е годы / С. Н. Филимончик // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права : материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П. М. Машерова. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. — С. 77–79.

Чистов, В. Народное творчество Советской Карелии / В. Чистов // Народное творчество Карело-Финской ССР : Записи 1937–1938 гг. / подг. текстов, вступ. ст. и прим. В. Чистова ; под ред. А. Н. Лозановой. — Петрозаводск : Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1940. — С. VIII–XXII.

Miller, F. J. Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era / F. J. Miller. — Armonk (New York) ; London : M. E. Sharpe, 1990. — 192 p.